

Татьяна Иванько

Говорит и показывает

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Говорит и показывает / Иванько Т. В.; худ. Иванько Т. В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 388 с.

ISBN 978-5-532-95987-3

Эпоха упадка и распада сообщает упадок и в души людей? Разлагает или кристаллизует не окрепших и юных? И что происходит со зрелыми, действительно ли зрелы их души? Каждый поступок, как камень, брошенный в воду создаёт волны, изменяющие всё, всё в будущем, всё в прошлом... Падение или взлёт, не всегда можно сразу понять, что произошло с человеком. История нескольких семей, людей разных поколений, на фоне зашатавшегося мира. Как выбрать путь, если все светила погасли, и осветить наступившую тьму ты можешь только своим умом и душой? Как понять истину любви и дружбы? Как оценить привязанность? Где провести границу между любовью и развратом? Разрушить гнилое, чтобы построить новое? Или прежнее не сгнило, тогда почему тяготит и мешает...

ISBN 978-5-532-95987-3

© Иванько Т. В., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Запах канифоли	5
Глава 2. Особенный человек	16
Глава 3. Легкость и путаница	26
Глава 4. Новый год	36
Часть 2	45
Глава 1. Разноликий праздник	45
Глава 2. Разбуди меня	56
Глава 3. Ложь	64
Глава 4. Цербер	71
Часть 3	78
Глава 1. Пороки	78
Глава 2. Льдины	90
Глава 3. Весна	102
Часть 4	111
Глава 1. Охламон	111
Глава 2. Майские	121
Глава 3. День пионерии	128
Глава 4. Новый сериал	139
Часть 5	148
Глава 1. Прохладное лето	148
Глава 2. Трудный	158
Глава 3. Ложь и правда	166
Глава 4. Скольжение	175
Часть 6	181
Глава 1. Жара	181

Глава 2. Пожар	190
Глава 3. Лето	198
Глава 4. Дождь и сено	208
Часть 7	217
Глава 1. Свобода	217
Глава 2. Перемены	226
Глава 3. Принц и принцесса	235
Глава 4. Распадаюсь	247
Часть 8	255
Глава 1. Страх	255
Глава 2. Посмотри мне в глаза	266
Глава 3. Юргенс	275
Глава 4. Чистим снег	286
Часть 9	300
Глава 1. Свобода	300
Глава 2. Каникулы	311
Глава 3. Крах	319
Глава 4. Не теперь...	333
Часть 10	343
Глава 1. Уже с клыков их страшных моя стекает кровь	343
Глава 2. Бронза	350
Глава 3. Предчувствие	362
Глава 4. Солнечный свет	380

Часть 1

Глава 1. Запах канифоли

– Мама!.. Где паяльник? Что такое, вечно ничего не найти! – с досадой спросил я, закончив бестолково рыться в ящике с инструментами в чулане.

– Ты нашёл, у кого спросить, откуда я знаю? Может быть, Виктор взял и не положил на место? – мама обернулась от плиты.

– Да ладно, Витька в жизни его в руки не брал, не знает каким концом в розетку-то совать, скажешь тоже! – я отмахнулся, начиная сердиться.

– Ну, в инструментах смотри, в ящике...

– Да нету там.

– Значит Маюшка взяла.

– На черта он Маюшке сдался?

Мама посмотрела на меня чуть насмешливо:

– А на черта ты ей шлем мотоциклетный подарил, гитары ваши и вообще... Что удивляться, что теперь ей понадобился паяльник?

– Причём тут это...

Я устал уже слушать, какие неподходящие увлечения я прививаю своей пятнадцатилетней племяннице вроде мотоциклов и рок-музыки. Чуть что сразу об этом все заговаривают.

– И канифолью, чуешь, тянет? Точно от вас, сверху.

А вот это уже не придирки, а факт: горьковатый жёлтый запах тянется с лестницы второго этажа, где наши с Маюшкой комнаты. Я подошёл к маме ближе, заглянул через плечо, вдохнув аромат «Climat» от её ещё не седых волос в химических буколяках: она готовит, ужин, ясно. Похоже, печёнка, неплохо. И пюре, значит будет, вон, картошка булькает. М-м-м... Есть уже хотелось, сразу вспомнил о еде и даже злиться перестал.

– Когда есть-то будем? – спросил я, проглотив слюну.

– Иди-иди, не подлизывайся, Лиду с Виктором подождём, тогда...

– Чего их ждать-то, не дождёшься... – пробормотал я.

– Не ворчи.

Виктор – муж моей сестры, директор Приборного завода, который он, можно сказать, унаследовал от моего отца, что был директором много лет, и поднял своего зятя от начальника цеха до своего зама, когда узнал, что болен и придётся оставить свой пост.

Отца уже восемь лет нет на свете, столько времени Виктор – директор. Я едва окончил школу и учился на первом курсе, когда мы похоронили отца. И не знаю, его ли тяжёлое умирание, или то, что моя сестра была врачом, определило мой выбор профессии, но пошёл я по сестрином стопам. Мы с ней коллеги теперь во всех смыслах, работаем вместе в роддоме. Она – заведующая, а – ординатор. Однако, и это не сделало нас ближе.

В семье, где все вечно заняты, всегда на работе или отвечают на бесчисленные звонки неумолкающего телефона, дети обделены вниманием. Вот и мы с Майей, существовали отдельно от наших взрослых. Они всегда были и есть отдельно от нас, и даже отдельно друг от друга. Даже, когда был жив отец. Мама – директор школы, сестра – врач, что дежурит два, а то и три раза в неделю, её муж... словом, всех вместе увидишь даже не в каждые выходные и праздники. И в нормальных семьях дети существуют в своём отдельном мире, а уж в такой как наша и подавно.

Но с Маюшкой мы вместе. Эта дружба началась, когда я заболел ветрянкой в двенадцать лет. Маюшке было три.

Я валялся с температурой, болячками и книжками наверху, где была моя комната, чувствуя себя почти в заточении. Маюшка и пришла ко мне однажды.

– Ю-юска, давай покъясу? – спросила она, взяв в руки пузырёк с зелёнкой и намереваясь подмазать гадкие болячки на моей коже.

Она, маленькая, белобрысенькая, большеглазая и худосочная, так трогательно выглядела во фланелевом платице жёлтого цвета с большой горох, колготках гармошками на её тощих ножках, с лохматенькими жидкими волосиками и грустно свисающим капроновым бантом, и смотрела так просительно, что отказать ей я никак не мог. Тем более что за весь день ко мне, кроме неё, не зашёл никто: загля-

нут от порога, и уходят, и то, уже вечером, а с утра я вообще оставался один, пока не привели Маюшку из садика.

Маюшка с забавно серьёзным личиком взялась за дело и раскрасила меня свежей зеленью, не пропуская прежних корок со стёршейся за день краской и все обнаружившиеся новые.

– Ну вот. Вот типей хаясо, – удовлетворённо заявила она, деловито и озабоченно разглядывая меня. – Тибе не бойна?

– Нет, только чешется ужасно, – признался я.

– Цесется?.. Интиесна... – удивилась она.

Потом вздохнула, сочувственно глядя на меня, «зелёнчатого леопарда» и села рядом, сложив маленькие ручки, перепачкавшиеся в зелёнке, на коленках.

– Хочесь, посизу с тобой? – серьёзно спросила она. – Могу песенку спеть.

– Ну спой, – сказал я.

Майя затянула песенку Медведицы из «Умки», перевирая безбожно слова и выдумывая свои вместо тех, что не поняла или не запомнила. Это было до того потешно и мило, что мне сразу стало легче. И с этого дня я начал поправляться.

А Майя, напротив, заболела, заразившись от меня. Но теперь уже я ухаживал за ней, выздоравливая. Приносил тёплое молоко с мёдом, уговаривая его выпить, читал ей сказки, а потом свои книжки: «Врунгеля», «Гулливера», «Двадцать тысяч лье...». Она слушала, не перебивая, и просила ещё. Вот тогда-то в таком же вот снежном декабре 1976 года, двенадцать лет назад и началось то, что делает нас с Маюшкой несокрушимым анклавом внутри нашей семьи до сих пор.

Даже моя учёба в институте не разрушила этого, я, пользуясь близостью нашего города к Москве, в общежитии на выходные не оставался, да и среди недели нередко приезжал, на электричке – меньше часа. И взросление, вначале моё, а теперь и её, только ещё больше сблизило нас и совсем отгородило от «предков».

Впрочем, они были только довольны, что всегда было кому забрать Майю из сада, а потом из школы, разогреть обед или ужин,

а позже Майя стала делать то же для меня, когда я приезжал с учёбы или прихожу теперь с работы.

Я подписывал ей дневник за родителей, этого не замечала даже мама, что директорствовала в нашей с Майей школе. Но зато «по благу», мы с Майюшкой изображали преемственность школьных поколений на линейке, когда она пошла в первый класс, а я был десятиклассником. Я пронёс её на плече перед выстроившимся нарядными школьниками, а Майя звонила в колокольчик, перевязанный большим атласным красным бантом.

Она одобряла или не одобряла моих подружек, замечая то, что я не всегда мог увидеть: «На колготках стрелку неровно зашила...» или: «Лифчик ей не по размеру», или «Красивые волосы», «Духи хорошие» и тому подобное. Надо сказать, нередко это и определяло мои отношения с девушками, сразу задавая тон.

Привилегия расти в обеспеченной семье, давала нам много возможностей: у нас был видеомагнитофон «Электроника» и я, конечно, имел возможность доставать кассеты для него, большинство из них, я брал на время у многочисленных друзей и приятелей. Поэтому мы пересмотрели большинство фильмов ещё до бурного теперешнего расцвета видеосалонов с их придурковатым подбором фильмов вроде бесконечных боевиков и эротики. А мы же смотрели и Бертолуччи, и Бергмана, и всего Тарковского, и Кубрика, и Оливера Стоуна и многих и многих других. Причём, большинство фильмов пришлось смотреть без перевода, но... и в этом оказалось преимущество – натренировало нас с Майей английский получше любых репетиторов.

О фильмах мы спорили, бывало. Но нравилось нам одно и то же, поэтому и спорить было о чём. Из-за «Танго в Париже», мы едва не поссорились, даже мама вмешалась и заставила показать фильм ей. Мы переглянулись с Майюшкой, и посадили её смотреть, ожидая, что же будет...

Посмотрев в полной тишине весь фильм, мама поднялась с кресла в моей комнате, снимая очки и убирая в очешник из коричневой пластмассы, подделывающийся под роговой:

– Ну-у... я... – мама, конечно, смущена оказалась до предела. – Гадость какая...

– Бабушка, да ты что! – воскликнула Майя, горячась. – Какая же гадость?! Это великий режиссёр.

– И что? Тебе вообще рано такое смотреть... Но... какие-то извращения... – она посмотрела на меня. – Куда ты глядел Илья, показываешь девчонке...

Маюшка закатила глаза в стиле всех подростков, которых достали нравоучениями «предки».

– Это не об извращениях вовсе история, – подал голос, и я в поддержку Маюшки и Бертолуччи.

– Какой-то немолодой дядька и девушка, и только...

– Какой «дядька»? Это Марлон Брандо! Да и не в том дело...

– Разврат и мерзость! – мамины брови взлетели почти до мыска на лбу.

– Это не о разврате! О потере себя, любви... молодости, может быть. Он потерялся...

– Ничего не знаю! Гадость!

Словом, спорили до хрипоты два дня. Все втроём. Я больше слушал, мнение директора школы на эту тему и не могло быть иным, а вот Маюшкино мне было интересно. Удивительно, что и на этот раз она разглядела то, что не сразу заметил я.

Бурю я завершил, сказав, примиряя бабушку и внучку:

– Если мы второй день говорим об этой картине, значит, она уже талантлива – это, по меньшей мере.

Мама посмотрела на меня, очевидно, прозревая в чём-то и кивнула, улыбнувшись:

– Вот с этим соглашусь, пожалуй, поборники свободы.

После смерти отца, главой семьи стал Виктор, но я не очень-то признавал его авторитет, по мне так человек он был куда мельче отца, который прошёл войну, и награды в несколько килограммов так и оттягивают до сих пор его пиджак оставшийся висеть в шкафу у мамы в спальне. Она перебралась в его кабинет, а их спальня на втором этаже стала комнатой Майи. Так второй этаж нашего дома и стал нашей с ней территорией, куда никто из взрослых уже и не

вторгался. Я Майю будил по утрам в школу, у меня мы смотрели видик, играли на гитарах, болтали и слушали музыку.

Вот как раз из-за этого я и пришёл искать паяльник: надо было припаять в бобинном магнитофоне контактик, а паяльник пропал из ящика для инструментов в чулане, где всегда лежал. Для чего он мог понадобиться Маюшке? Мне стало любопытно.

Я вошёл к ней в комнату, поднявшись по привычно скрипнувшей на четвёртой и восьмой ступеньках деревянной лестнице с фигурными балясинами. С тех пор, как однажды едва не упала, мама не держала здесь ковровой дорожки. А Лидия и Виктор вообще наверх никогда не поднимались.

У Майи комната больше моей, но зато из моей есть балкон с пожарной лестницей, что при моей золотой жизни вещь просто необходимая. Не знаю, что бы я делал, не будь этого спасительного пути для моих ночных гостей и для меня, когда я приходил под утро. Я привык жить довольно свободно примерно с десятого класса. И ограничивать себя не намеревался.

– Зачем тебе понадобился паяльник? – спросил я, подходя к Майе, сидевшей за письменным столом.

И, подойдя ближе, я увидел, что она не только паяльник узурпировала, но и тиски, и пассатижи, и напильник, и большую разделочную доску с кухни, как это мама не заметила, странно. В тисках у Маюшки был зажат перстень, который она увлечённо обрабатывала напильником с тыльной стороны.

– Тебе паяльник нужен? – спросила она, не оборачиваясь. – Можешь забирать, я уже всё.

Сам паяльник тут же – концом в банке с канифолью, дымит потихоньку, распространяя тот самый запах, что и привёл меня сюда.

– Что ваяешь-то, ювелир? – усмехнулся я.

– Нечего смеяться, перстень будет, щас лишнее стесаю, и... – она улыбнулась, оглядев свою поделку с улыбкой, почти любовно.

Всё в ней как у всех нас в семье, и всё не так. Все мы сероглазые и светлокжие, с прямыми русыми волосами, даже Виктор, будто наш кровный родич той же среднерусской породы. Но Майя отличается во всём по чуть-чуть. Она тоньше в кости, немного темнее воло-